

Г.В. Панченко

ФАЛЛИЧЕСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ-ИДОЛЫ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ

Фаллические культовые камни-идолы¹, имеющие изображения ликов, такие как Новгородский (Шекснинский) и Себежский, известны довольно давно. Наиболее часто упоминается так называемый Новгородский, а на самом деле Шекснинский идол, найденный в 1893 г. при расчистке русла р. Шексны и Белозерского канала в карьере близ деревни Малая Топорня бывшей Спасской волости Кирилловского уезда в 12 км от г. Кириллова. Вот описание идола, составленное Н. Порфиридовым: «По форме камень представляет собою цилиндр, длиною около 0,70 м, эллиптического сечения (несколько неправильного, грушевидного). Материал – серый гранит. Концы цилиндра закруглены, причем один конец сужен, другой утолщен. У утолщенного конца цилиндра имеется выступающий за боковые его стенки от 1 до 3 см слой, неправильным валиком наискось огибающий окружность цилиндра. Вместе с закруглением утолщенного конца камня... валик образует подобие шляпы. Ниже валика на узкой стороне цилиндра высечено примитивное подобие человеческого лица. Двумя продольными немного расходящимися книзу углублениями дана форма грушевидного... носа, длиною 6 см. Верхние концы боковых продольных линий, образующих нос, углублены и тем дают намек на глаза, узко поставленные по сторонам переносья. Высеченная на 2 см ниже носа горизонтальная неглубокая черта, длиною 5 см, изображает рот. Непосредственно под нею выпуклым удлинённым книзу полукругом намечен подбородок» [1, с. 31–33]. Исследователи датируют его XII–XIII вв., по крайней мере в этот период времени, период гонения язычества, по их мнению, он был брошен в реку [2; 3]. В настоящее время этот камень находится в экспозиции Новгородского музея-заповедника [4, табл. LXXV, с. 288].

К такому же типу антропоморфных фаллических идолов относится Себежский идол, найденный в болоте под Идрицей. Он хранится в Себежском музее (Псковская область). Высота идола – 50 см, высота «шляпы» – 17 см и диаметр – 35 см [5, с. 177; 4, табл. LXXV, с. 288]. Ф.Д. Гуревич датировала утопление этого идола временем сразу после принятия христианства [5, с. 178]. Интересно, что камни с ликами языческих богов попытались уничтожить или, возможно, захоронить, как случилось с Шекснинским и Себежским идолами.

К этой же группе фаллических идолов можно отнести изваяние, найденное среди антропоморфных каменных крестов на древнерусском курганном могильнике у д. Горки Демидовского района Смоленской области [6, с. 169, 172, 173]. В его форме просматриваются черты лица человека «в шапке». На изваянии было обнаружено изображение восьмиконечного креста, которое, по мнению исследователей, было сделано позднее. Не называя напрямую идола фаллическим, Н.В. Лопатин и Ф.В. Яковлев выделяют его из ряда антропоморфных каменных крестов, обнаруженных здесь же [6, с. 172–173].

В 2008 г. в Пскове, в Ольгинском VI раскопе на Завеличье, был найден ещё один антропоморфный идол, обожжённый, расколовшийся на шесть фрагментов и захороненный под плоским овальным камнем в материковой яме, сделанной в известняковой плите. У него нет «шапки», черты человеческого лица лишь угадываются. Размеры идола – 60×50×40 см. Он имеет подпиримидальную форму и тоже может быть отнесён к фаллическим идолам. Исследователи датировали захоронение идола XII–XIII веками [7, с. 29–32, 258–260].

В последнее время появились сведения о находках на территории лесной зоны европейской части России фаллических камней без изображения ликов.

В Новгороде в Троицком раскопе был найден каменный фаллический идол с двумя выступающими валиками в верхней части. «Фигура изображала собой конический столбик сантиметров 60–70 высоты, с четко видимым ободком «шапочки» и идущей от нее вниз таким же вручную обработанным ободком «бородки» [8, с. 364–378]. К сожалению, как сообщает В. Ларионов, камень был атрибутирован археологами как коновязь (?).

¹ Идол (от греч. εἰδῶλον) – физическое 2-мерное (рисунок) или 3-мерное (статуя, статуэтка) изображение божества или духа, служащее образной визуальной интерпретацией духовной силы (божества), которой производится религиозное поклонение.

Б.А. Рыбаков считал, что «каменные фаллические идолы известны только из северной части восточно-славянских земель – Шексна и Себеж» [9, с. 234]. К настоящему времени география находок значительно расширилась.

Летом 2011 г. в ходе разведочных работ, проводимых Археологической экспедицией Плёсского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника под руководством автора, в г. Плесь Приволжского района Ивановской области был выявлен новый объект культурного (археологического) наследия – местонахождение Плесь, – представленный заглублённым в землю каменным изваянием фаллической формы, имеющим ясно видимые следы обработки (рис. 1). Изваяние располагалось на второй искусственной террасе правого коренного берега р. Волги непосредственно на территории города Плесь – недалеко от Хреновского оврага, ограничивающего с запада Больничную гору, представляющую собой мыс высокого коренного берега р. Волги. Название оврага воспроизводится по плану селитебной площади 1915 г., тот же овраг с протоком на плане 1775 г. имеет название Коженский [10], на плане, составленном после 1797 г., – Маковской [11]. Камень был установлен в вертикальном положении в 1,9 м к юго-востоку-востоку от угла дома 21 по ул. Ленина. Высота местонахождения над современным урезом воды в р. Волге (после его подъёма при создании Горьковского водохранилища на 8 м) составляла 14 м. Нахождение камня на искусственной террасе указывает на то, что он был некогда перемещён сюда из другого места.

Изваяние из кварцита имеет характерную фаллическую форму. В своём положении на момент фиксации камень был ориентирован с юго-востока-востока на северо-запад-запад. Над поверхностью земли возвышался на 82 см. Окружность «ножки» у земли составляла 190 см, периметр нижней кромки «шляпки» (верхнего утолщения) – 175 см. Изваяние было на 20 см углублено в почву и обложено мелкими камнями для придания ему устойчивости. Таким образом, общая высота объекта составляет 102 см. Как выяснилось пос-

Рис. 1. Плесьский фаллический камень-идол. 2011 г. Фото автора

Рис. 2. Плѣсский фаллический камень-идол у входа в музей. Фото автора

ле изъятия камня из грунта, его нижняя часть имеет форму грибной ножки (рис. 2). Основная часть камня обработана точечными ударами явно металлическим орудием. Верхняя часть камня – округлая, выпуклая. Цвет основной части камня – естественного серого оттенка. Несколько отличается по цвету только сама «шляпка». Она более тѣмная, имеет охристо-бурый оттенок. Из свидетельств жителей известно, что «шляпку» камня в 1990-е годы подкрашивали. Но может иметь место и использование при изготовлении изваяния природной особенности кварцитового валуна-заготовки, имевшего слоистое включение другого оттенка. Окончательные выводы можно будет сделать только после очистки поверхности от поздней краски. Поверхность «шляпки» несѣт следы полировки, нельзя исключать, что эти следы появились в ходе использования камня в некоей сакральной обрядности. Данный объект как древний культовый камень был ранее упомянут в статьях С.Б. Чернецовой [12, с. 180; 13, с. 191].

Основываясь на археологической карте города, можно предполагать, что фаллический камень изначально мог иметь отношение к одному из трёх мест, находящихся в границах города Плѣса:

1. Городище Плѣс на Соборной горе. Здесь раскопками П.Н. Травкина на мысовой части Соборной горы были обнаружены яма многократного языческого жертвенного кострища и ещё две ямы ритуального назначения. Этот комплекс исследователь определил как святилище Велеса. В северо-западном углу ямы кострища были прослежены остатки древесины, которые были интерпретированы как остатки деревянного символа мирового древа [14, с. 99–119];

2. Комплексный памятник (городище дяковского времени и домонгольский курганный могильник) на Холодной горе (название объекта культурного наследия – курганный могильник Плѣс 2). Случаи находок фаллических камней на курганах уже известны: камни с погоста Рудина Слободка и из урочища Могильницы [15, с. 138–144], а также изваяние у д. Горки (Демидовского района Смоленской области) [6, с. 169];

3. Мысовая часть Больничной горы. По сведениям сотрудника Плѣсского музея-заповедника Д.Б. Ойнаса², собиравшего этнографические данные о культовом камне в начале 90-х гг. XX века, два местных информатора, пожилые жительницы Плѣса Сурина и Кузнецова, утверждали, что «камень... в прошлом скатился с Больничной горы»³.

Фаллический камень под Больничной горой долгое время был частью городского пейзажа Плѣса. Он прочно сросся с городской мифологией, историей и культурой. В последнее время культовый камень стал очень популярен у туристов. Благодаря своей весьма недвусмысленной и крайне реалистичной форме он оброс массой амурных анекдотов и преданий. Современные названия камня – «Камень-гриб», «Камень любви», гораздо реже сейчас употребляется название «Шляпинский камень», но оно достаточно часто использовалось ещё в 90-е гг. XX в. Название «Камень любви» появилось в Плѣсе только в конце XX века. Скорее

² Ойнас Д.Б. – историк, в 90-е гг. XX в. работал в Плѣсском музее-заповеднике. В настоящее время является вице-президентом Национального фонда «Возрождение русской усадьбы» (г. Москва). Автор статьи выражает ему глубокую благодарность за любезно предоставленные сведения.

³ Воспоминания местных жителей, собранные Д.Б. Ойнасом в 1980-е–1990-е годы.

всего, этот факт можно связать с развитием туристического бизнеса и его инфраструктуры, созданием большого количества частных музеев и новых, нетрадиционных для Плёса, туристических маршрутов. Камень стал рассматриваться как местная достопримечательность наряду с «Деревом любви»⁴.

В 1990-е годы у старожилов Плёса были зафиксированы и другие чрезвычайно интересные и более древние названия, ныне практически вышедшие из речевого оборота горожан: «Сват-камень», «Дедова шишка», «Чиркун», «Велеший»⁵.

Все современные легенды, связанные с ним, очень схожи [16, с. 133] и преследуют цель объяснить причину нахождения камня такой своеобразной формы именно на этом месте, у этого дома. Единственное, что их объединяет, – мотив переноса фаллического камня сюда из другого места и дореволюционное время описываемых событий. Перенос камня, вероятно, был совершён до 1915 года, до фиксации на карте нового названия близлежащего оврага – Хреновский.

С фаллическим плёским камнем связано поверье, имеющее глубокие исторические корни и передающееся изустно. Посещающие его и в настоящее время считают, что он способствует выходу замуж и лечит бесплодие. Чтобы достигнуть цели, женщина должна на нём посидеть. Видимо, эта обрядность, а возможно, и какая-то иная, существовавшая ранее, и привели к заполированности верхушки камня.

В Плесе же при прокладке газопровода в 2011 г. был найден фаллический камень «домашних размеров» – 16,6×6,5×6,3 см (рис. 3). Он был обнаружен на развилке траншеи на ул. Мельничной вне границ археологического памятника селище Плес 1 (посад города Плёсо). Очевидно, от каменного божка избавились, выбросили. Фаллический идол имеет близкую к физиологической форму, лика на нём нет, сделан из камня с включениями железа (метеорита?). Как тут не вспомнить «то ти не Род, седя на воздухе мечеть на землю груды и в том рожаютя дети» [17, с. 179].

Рис. 3. Фаллический камень с ул. Мельничной в Плесе. Фото автора

На территории соседней Ярославской области, буквально в нескольких десятках километров выше по реке Волге от города Плёса известно ещё несколько камней такой же, как у большого плёского камня, характерной формы. Все они находились в пределах современного Мышкинского района – в деревне Могиль-

⁴ Две достаточно молодые сосны, сросшиеся друг с другом одной веткой в форме буквы «Н». По местному поверью, нужно повязать какую-нибудь ленточку на «Дерево любви» и загадать желание.

⁵ Данные опроса Д.Б. Ойнаса, 90-е гг. XX в.

ницы (затем перевезены в деревню Дубровка) и на погосте Рудина Слободка. В отношении этих камней имеется определённая этнографическая информация, позволяющая рассматривать их как культовые объекты.

Очень схоже с идолом из Плёса изваяние с погоста Рудина Слободка. По своей форме оно более всего напоминает гриб, но может интерпретироваться и как фаллос (рис. 4)⁶. Порода камня – кварцит. Поверхность «шляпки» – шлифованная. В центре «шляпки» имеется идеально ровная плоская поверхность – «столешница», от которой идёт определённый скос к краям. Вся «шляпка» имеет яркий буро-охристый цвет. Толщина краёв шляпки – 18 см. Ствол изваяния выполнен в иной технологии, по всей его поверхности имеются следы обработки мелкими сколами. Высота камня – 64 см, максимальная окружность основания «ножки» – 153 см, окружность «шляпки» – 218 см [15, с. 141–142]. Известно, что когда-то он стоял в урочище «...на вершине кургана недалеко от храма» [18, с. 44–51; 19, с. 54]. Это место расположено на берегу Волги, предположительно на одной из песчаных дюн, примерно в 1 км к северо-востоку от храма, значительно ниже его. Позднее камень был перенесён к церкви. Считалось, что камень излечивает от болезней нижней части тела (ноги, поясница, репродуктивная система). По устоявшимся поверьям, для излечения полагалось на нём посидеть. Есть сведения о том, что «в определённые дни к нему приходили с дарами, примерно так же, как это делается на Пасху» [19, с. 54].

Рис. 4. Камень с погоста Рудина Слободка. Фото С.Б. Чернецовой

Два камня характерной «грибной», т.е. фаллической, формы некогда располагались на вершине кургана в д. Могильницы, но в начале XX в. были перевезены в д. Дубровка. Они довольно сильно отличаются один от другого массой, размерами и общей конфигурацией. Один из них очень похож на камень из Плёса, но отличается относительно более широким основанием «ножки» и маленькой «шляпкой» (рис. 5). Второе изваяние из Могильниц имеет сложную форму: напоминает четырёхгранную в основании пирамиду с двумя соединёнными вершинами (рис. 6). При взгляде с одной стороны – у изваяния треугольный профиль, с другой – четырёхугольный. Вершина больше всего похожа на некое подобие шляпы с небольшим рельеф-

⁶ Выражаю сердечную благодарность С.Б. Чернецовой за предоставленные ею фото.

Рис. 5. Первый камень из д. Могильницы. Фото С.Б. Чернецовой

Рис. 6. Второй камень из д. Могильницы. Фото С.Б. Чернецовой

но выделенным выпуклым «околышем». Четырёхгранное сечение камня прослеживается по всей его высоте, в том числе оно чётко выделено и в конфигурации «околыша» [15, с. 138–140].

Как камень из Плёса, так и все фаллические камни Ярославского Поволжья местное население называет «грибами». Семантическое значение образа грибов в мифологических представлениях традиционных обществ изучено мало, но они самым тесным образом связаны со всеми тремя элементами известного комплекса «смерть – плодородие – жизнь» [20, с. 234–279]. Один из самых распространённых мотивов в мифологических представлениях о грибах – деление их на мужские и женские. Грибы с отчётливо выраженной ножкой и шляпкой в виде колпачка – мужские, грибы без ножки или с ножкой, неотделимой от шляпки, или же с вогнутой шляпкой – женские [21, с. 317–322]. И в этом контексте грибовидная форма не противоречит фаллической трактовке облика культовых камней.

Интересен тот факт, что сохранившиеся фаллические камни, не имеющие лика, не пытались уничтожить или захоронить.

Говоря о языческих идолах, Б.А. Рыбаков утверждал, что «большинство каменных изваяний найдено случайно, без археологической связи с их первичным местом и в силу этого их трудно датировать и определить этническую принадлежность поставивших их людей, если речь идет о славянской периферии. Все идолы антропоморфны... По охвату человеческой фигуры они делятся на две группы: в одних случаях изображалась... одна голова, в других божество изображалось во весь рост. По содержанию идолов можно разделить на три категории: идолы, изображающие мужчину с рогом изобилия в руках, фаллические идолы и изображения без особых признаков» [9, с. 231]. В связи с этим обнаружение безликих фаллических идолов в Ивановской и Ярославской областях не на первичном месте вполне вписывается в общую картину. Но вряд ли их можно называть антропоморфными. По мнению автора и С.Б. Чернецовой, с учётом новых находок фаллические идолы должны быть разделены на две группы: фаллические идолы с ликами (антропоморфные) и без ликов (неантропоморфные).

Очень много вопросов возникает при попытке интерпретации фаллических культовых камней-идолов. Чтобы понять их предназначение, необходимо заглянуть в более древний период.

Фаллический культ известен на рассматриваемой территории по крайней мере с позднего неолита – энеолита. Он имел место и у охотников-рыболовов (волосовцы), и у скотоводов (дыяковцы), и у земледельцев (славяне). Он является общим для совершенно разных по времени, ступени экономического развития, этнической принадлежности обществ. Почему? Попытаемся понять, рассмотрев некоторые проявления фаллического культа на территории лесной полосы европейской части России.

Интересна связь фаллического культа с культом медведя, прослеженная на поселении Сахтыш II [22, с. 82–85]. Здесь на глубине 40–50 см было обнаружено кострищное пятно длиной около 4 м и шириной 1,6 м, ориентированное по линии юго-восток–северо-запад. Края его были окаймлены углистой прослойкой толщиной 10–15 см. Вверху пятно было заполнено углями, золой и прослойками прокалённого песка. Вокруг кострища прослеживались тёмные округлые пятна от столбов. По-видимому, оно было расположено в центре постройки. Под кострищем в материке шла яма до глубины 195 см. Над ней, ниже кострища, было деревянное перекрытие. На глубине 115 см в яме обнаружено деревянное сооружение – так называемое гробовище. Длина его – 2 м, ширина – 0,5 м. В яме было найдено много костей бобра, куницы, лося, лисицы, оленя, кабана и медведя, встречались кусочки и вкрапления красной краски. У северо-западного края ямы было обнаружено овальное пятно размерами 130×100 см, ориентированное по линии юго-восток–северо-запад и заполненное толстым слоем красной краски. Здесь же располагался развал ранневолосовского сосуда, в котором найдены лопатка оленя и предмет из полой кости, обработанный в виде фаллоса, внутри которого, как в футляре, находилась плотно пригнанная часть *os penis* медведя. По мнению Д.А. Крайнова, «находка комплексного фаллического предмета связывает человека и медведя» [22, с. 85]. Исследователь также полагал, что «сочетание в «святилище» фаллического комплексного предмета и красной краски – символа крови и жизни, и находка рядом, в жертвеннике около «могильной» ямы, частей скелетов основных промысловых животных – оленя, лося, бобра и куницы – отражают... сложный обряд, связанный с размножением животных, необходимых для жизни охотников» [22, с. 85]. В яме же, как считал Д.А. Крайнов, «могла быть похоронена шкура медведя» [22, с. 85]. Следы работы на фаллическом предмете могли появиться в результате изготовления с его помощью кремнёвых фигурок, что само по себе должно было являться частью некоего обряда.

Рядом с ритуальным сосудом в пятне с охрой и углями был обнаружен «клад» из 60 каменных, кремнёвых и костяных предметов. По моему мнению, волосовские «клады» представляют собой жертвоприношение умершему сородичу или группе сородичей. В связи с этим становится понятна обожённость большинства «кладов». Ведь огонь многими народами рассматривался как средство общения живых с умершими [23, с. 213; 24, с. 198; 25, с. 265]. Так, например, энцы, бросая в огонь поминального костра кусочки еды, считали, что они «таким образом кормят умершего» [26, с. 153].

Нахождение фаллического предмета рядом с погребениями и «кладами» связывает фаллический культ не только с промысловым культом, но и с погребально-поминальной обрядностью, с культом предков. Причём в качестве своего предка волосовцы могли рассматривать и медведя. По крайней мере очевидно их особое отношение к медведю. Захоронение шкуры медведя, возможно, имело место в святилище на стоянке Сахтыш VIII, где яма, перекрытая брёвнами, была заполнена «черно-углистой «жирной» землей» [27, л. 45–54]. По своему устройству это святилище напоминает ритуальный комплекс стоянки Сахтыш II. Ритуальное захоронение костей медведя найдено на стоянке Сахтыш I [28, л. 70]. А при раскопках III Удель-

но-Шумецкого поселения были расчищены остатки ритуального комплекса в виде ямы, заполненной пережёванными костями медвежьих лап [29, с. 155].

Культ медведя получил широкое распространение среди волосовских племён. Это подтверждают находки черепов медведей в жилищах и у погребений [22, с. 82–85; 30, с. 51]. На наличие культа медведя указывают также находки на стоянках Волосовская, Ибердус, Холомониха, Панфилово, Бологое, Уница [31, с. 103, рис. 2; с. 104, рис. 3], Иловец [32, с. 112, рис. 5], Сахтыш I, II, VIII [33, с. 101–102] антропоморфных кремнёвых фигурок, которые, как не без оснований полагал Д.А. Крайнов, изображают медведя, стоящего на задних лапах [33, с. 101]. И, наконец, о существовании медвежьего культа свидетельствуют находки в «кладах» медвежьих лап и клыков медведя, служивших амулетами и талисманами [34, л. 81; 35, л. 28, 31]. Спорным является вопрос о причинах возникновения культа медведя у племён волосовской культуры. Д.А. Крайнов истоки этого культа видел в том, что «медведь у волосовцев считался тотемом-предком и покровителем рода» [22, с. 85]. Другого мнения, исходя, правда, из более позднего этнографического материала, придерживаются этнографы З.П. Соколова и С.А. Токарев. Они считают медвежий культ пережитком тотемизма и связывают его с промысловым культом [36, с. 174; 37, с. 84]. Широкое распространение медвежьего культа среди волосовцев вряд ли свидетельствует в пользу идеи о медведе-тотеме, тем более что параллельно на одних и тех же памятниках прослеживается и культ лося. Возможно, некогда тотемное животное стало выступать в роли жертвы-заменителя человека – божественного легата, посланца в мир предков, передающего просьбы об удачной охоте и продолжении рода. Н.Н. Велецкая пишет: «Есть все основания полагать, что распространенный у многих народов Севера так называемый Медвежий праздник генетически восходит к ритуалу проводов на «тот свет» и первоначально имел то же функциональное назначение. Известные нам формы его сложились, по-видимому, в процессе трансформации ритуала. Очень вероятно, что собака и медведь стали одними из первых в символической замене посланника-человека: как известно, медведь по строению тела ближе всех зверей стоит к человеку» [38, с. 195]. Такая интерпретация объясняет взаимосвязь культа медведя с погребально-поминальной обрядностью (обращение к предкам с просьбами, подкреплённое жертвоприношением), промысловым культом (просьбы об удачной охоте) и фаллическим культом (просьба о продолжении рода).

Косвенно это предположение подтверждается этнографическими данными. Известно, что чукчи считали медведя человеком, одетым в медвежью шкуру [37, с. 44]. Подобные представления бытовали у кетов [39, с. 91]. Народы, у которых был распространён культ медведя, в случае его убийства устраивали медвежий праздник. У убитого медведя отрубали голову и лапы, снимали шкуру, которые особенно почитались [37, с. 72]. Здесь мы видим явную аналогию с медвежьим культом у волосовских племён, у которых было особое отношение именно к черепу, лапам и шкуре медведя (см. выше). Из этнографических исследований известно, что сохранение этих частей тела медведя должно было способствовать его возрождению, реинкарнации [37, с. 53]. В медвежьем празднике есть обряды очень древнего, по мнению этнографов, происхождения – так называемые фаллические обряды. По словам З.П. Соколовой, «они выражаются в особом ритуальном отношении к половым органам медведя, в употреблении во время танцев специально сделанных фаллосов, в исполнении сценок эротического характера, а также песен и танцев нескромного содержания и, наконец, в свободе отношений между полами во время праздника (например, у хантов и манси» [37, с. 72–73]. Как показывает находка комплексного фаллического предмета в святилище на стоянке Сахтыш II, эти обряды могли иметь место и у племён волосовской историко-культурной общности, а также у их соседей. Так, на территории Латвии на торфяниковой стоянке Сарнате был найден фаллос из дуба [40, с. 142]. Медвежий праздник, по этнографическим данным, включал в себя песни и танцы определённого содержания. Они могли иметь место и у волосовцев. На стоянках Сахтыш I [41, л. 38] и Сахтыш II [28, л. 34] был обнаружен своеобразный музыкальный инструмент, представляющий собой комплект из тазовых костей медведя и колотушки из рога лося. Тесная связь фаллического обряда с культом медведя и одновременно прослеживаемые на одних и тех же памятниках культ медведя и более древний культ лося указывают, возможно, на то, что медведь считался во времена волосовцев покровителем мужского начала, а лось (точнее, лосиха) – женского. Отсюда – доживший до славянского язычества культ Небесной Лосихи. Само исполнение музыки на подобном музыкальном инструменте в таком случае было полно эротического смысла и должно было способствовать продолжению жизни (человека или животных вряд ли тогда разделяли, настолько жизнь человека была связана с жизнью животных и зависела от них).

Фаллические предметы встречаются и у дьяковцев. Выделяется совершенно особый тип рукоятей ножей, имеющих коническое завершение. Фаллические рукояти ножей найдены на городище Гремячее [42, с. 17] и других памятниках дьяковской культуры [9, с. 74]. На Пеньковском городище, расположенном в 12 км ниже г. Плеса Ивановской области, найдены обломок рукояти ножа, датированный первым тысячелетием до н.э., ещё более узнаваемой фаллической формы [14, с. 40–41, рис. 8] и обломок рукояти ножа, имеющий практически физиологическое сходство (рис. 7). Эти ножи, по форме рукояти явно отличающиеся от утилитарных, использовались, очевидно, в культовых целях, в обрядах, проводившихся шаманами. А шаманы, как известно, в своей практике прибегают к общению с миром духов, к которому относятся и умершие предки. То есть и здесь прослеживается взаимосвязь фаллического культа и культа предков.

Фаллические камни, антропоморфные и неантропоморфные, аналогичные рассматриваемым нами, можно увидеть на разных континентах: на кладбище в долине Гулистан в Иране, где они стоят на мужских могилах в качестве памятников, в Ирландии (Лиа Фал – Камень Судьбы на холме Тары и многие другие), в Мексике, Австралии, Норвегии (камень из музея в Осло, датируемый 200–600 гг. н.э.). Поклонение фалли-

Рис. 7. Обломок фаллической рукояти ножа с Пеньковского городища в экспозиции Плесского музея-заповедника. Кость

ческим камням является составной частью синтоизма – традиционной религии японцев. Так, в Японии в святыне Asukaza поклоняются камням, в которых, по поверью, обитают души божественных героев-первопредков. Рядом с ними проводится несколько фривольное, с современной точки зрения, представление, имитирующее половой акт. Фаллические камни, разбросанные по миру, принадлежат разным народам. Чем объясняется столь широкое их распространение? Очевидно, только тем, что фаллический культ являлся составной частью присущего всем родовым обществам культа предков.

Прежде чем продолжить рассмотрение проблематики интерпретации фаллических камней-идолов лесной зоны европейской части России, необходимо решить вопрос об их этнической принадлежности. Н. Порфиридов, введший в научный оборот Новгородского (Шекснинского) идола, писал: «Антропоморфные изображения бытовали у разных народностей – в большей или меньшей степени распространения, и на огромном отрезке времени от неолита до позднего средневековья. Учитывая переживания их у финских племен до настоящего времени (остяцкие идолы, чувашские надгробные столбы и т.п.), склоняемся к отнесению аналогичного нашего предмета, найденного в пределах расселения древней Веси, к финскому миру» [1, с. 33].

Чтобы понять, был ли прав Н.Г. Порфиридов, следует обратиться к сведениям о привязке фаллических идолов к археологическим памятникам. Из-за того, что эти камни часто обнаруживают не на своём месте, определить их изначальное местонахождение непросто, иногда невозможно. Себежский идол был обнаружен в болоте, Шекснинский (Новгородский) – при копке карьера. Это указывает на то, что они были подвергнуты гонению со стороны христианских миссионеров. Один из наиболее ранних фаллических идолов обнаружен рядом с комплексом одновременных славянских памятников: городища и курганного могильника с захоронениями, совершенными путём трупосожжения, у д. Жабино (ныне Усвятский район Псковской области), датированных исследователем 2-й пол. I тыс. н.э. [43, с. 115, 116, 121]. Он, кстати, по своей форме очень близок к плесскому идолу, но значительно меньше его по размерам (высота – около 0,4 м). Известно и то, что фаллические культовые камни в Мышкинском районе Ярославской области ранее стояли на древнерусских курганных могильниках. На древнерусском курганном могильнике находился и фаллической формы идол у д. Горки в Смоленской области. То есть, мы видим, что там, где имеет место привязка к археологическому памятнику, этот памятник оказывается славянским или древнерусским. И.П. Русанова и Б.А. Тимощук также считают фаллических идолов славянскими [44, с. 33, 34]. И в самом деле, на рассматриваемой нами территории кроме славян в это время жили финно-угорские племена, но пока не прослежена какая-либо привязка фаллических каменных идолов к финно-угорским памятникам. Зато на славянских памятниках найдены не только каменные, но и деревянные фаллические идолы. Так, в Новгороде обнаружена небольшая деревянная «фигурка старца, на несколько уплощенном лице которого переданы глаза, нос, борода. На голову надета шапка». В.В. Седов считал, что такие небольшие «идолы – фигурки «домовых», покровителей семьи или защитников от злых духов» [4, с. 264, 286]. В.В. Седов, также относивший рассматриваемых нами идолов к славянским, обратил внимание на шапки Збручского и Шекснинского идолов и предположил, что «в языческую пору подобные головные уборы были атрибутами языческих божеств и племенных князей» [4, с. 258, 264].

Для финно-угров же, судя по частым находкам не только у нас, но и в Финляндии, характерны камни-чашечники, самой своей формой указывающие на обращение не к мужскому, а к женскому началу.

Хочется ещё раз сделать акцент на факте нахождения фаллических идолов на курганных могильниках. И.П. Русанова и Б.А. Тимощук в работе «Языческие святилища древних славян» указывали: «Вполне правомерно считать курганы одним из видов культовых памятников, тем более что планы многих курганов

близки культовым площадкам-капищам и сами курганы собственно являлись семейными святилищами» [44, с. 25]. По мнению авторов книги, «капища, расположенные рядом с могильниками, вероятно, служили для обращения к божествам потустороннего мира (Псков, Ходосовичи, Заарингер)» [44, с. 41].

Идолом какого же божества были фаллические камни с ликами и без? Возможно, они посвящены Роду – богу-прародителю всего сущего, верховному богу, возглавившему пантеон богов. В культе Рода нашёл своё развитие древний культ предков. Так, образ Рода, по мнению Б.А. Рыбакова, является основным на фаллическом по форме Збручском идоле (IX в.), найденном в 1848 г. у села Гусятин в реке Збруч (приток Днестра). Рядом с символом Рода можно предполагать наличие символики рожаниц. И она, в самом деле, отмечена исследователями, хотя ей и не была дана такая трактовка. Так, например, И.П. Русанова и Б.А. Тимошук указывали на присутствие на культовых площадках либо ямы от деревянного идола либо круга из камней. Круглая культовая площадка размерами 10,4×13,5 м в Подгоще (Новгородская область, окружённая двумя рядами валунов, имела девять камней в центре [45, с. 38; 44, с. 198]. В Хутыни (Новгородская область) обнаружена круглая культовая площадка, окружённая кольцевой кладкой из больших камней, на которой находилась обложенная камнями яма [46; 44, с. 201]. Эти каменные «гнёзда» могли служить опорой для утраченных фаллических каменных идолов. Изваяния из Плёса и Рудиной Слободки имеют неустойчивые основания и нуждаются в заглублении и (или) обкладке камнями по окружности. Такая пара – камень-идол и кольцевидная обкладка – образуют пару мужского и женского символов, аналогичную и визуально, и семантически паре лингам-йони в индуизме.

Борьба христианских пастырей с верой в Рода и рожаниц велась долго, дольше, чем с Перуном, Велесом и другими богами, возможно, потому что, уступив в период создания новых общественных отношений молодым богам, Род и рожаницы стали покровителями уже не исчезающего рода, а семьи. Отсюда и восприятие Рода некоторыми исследователями как домашнего божка, домового [4, с. 268]. Даже в XV–XVI вв. актуальны были списки «Слова святого Григория изобретено в толцех», автор которого осуждал язычников. О фаллических обрядах «Слово...» сообщает: «чтут срамные уды... и в образ створены и кланяются им и требы им кладут. Словене же на свадьбах вкладывающе срамоту и чесновиток в ведро пьют» [47, с. 23]. Первая часть цитаты прямо говорит о поклонении фаллическим идолам. А последние сведения подтверждены археологически: при раскопках в Ленчице (Польша) К. Яжджевский нашёл в слоях XII–XIII вв. ведро и «срамоту» (фаллос) [48, tab. 143]. На возможное участие фаллических камней в свадебной обрядности указывает одно из названий плёсского фаллического камня – «Сват-камень».

О многом свидетельствует и ещё одно старое название плёсского идола – Чиркун. Кварцит, из которого сделан идол, способен при ударе давать искры. От этих искр могли зажигать жертвенные костры. Это название, как и образы искр – подобий небесных молний-«родий» – вновь относят нас в языческую древность.

От «творца молний», «давнего земледельческого божества Рода, повелителя мира, вдувающего дух жизни во все живое», по мнению Б.А. Рыбакова, «могло произойти отщепление образа бога грозы» – Перуна. Б.А. Рыбаков считал, что «это отщепление не было повсеместным. Оно происходило лишь в верхних, дружинных слоях славянского общества, а у простого земледельческого населения вера в Рода сохранялась, судя по копиям поучений против этого бога, вплоть до XVI в.» [9, с. 422]. «Слово...» указывает, что на Рождество Богородицы (8 сентября по старому стилю) вторые трапезы посвящали Роду и рожаницам и осуждают священников за потакание этому [47, с. 25]. И в самом деле, культ Рода в Плесе, где сохранился один из фаллических идолов, просуществовал долго. Доказательством этого служит найденная на территории Плёсского городища каменная иконка «Поклонение гробу Господню» XV в. (рис. 8). Размеры иконки – 4,5×4,1 см. На алтаре, рельефно изображённом на ней, явно другой рукой прочерчено перечёркнутое двумя горизонтальными линиями изображение фаллоса. По мнению П.Н. Травкина, оно было нанесено волхвом для усиления мощи иконы как оберега [49, с. 87–90]. Фаллос, по трактовке исследователя, изображён находящимся под водой в ведре (см. описанный выше обряд) [14, с. 272]. Но возможна и другая интерпретация. Не исключено, что более глубокие вертикальные линии относятся к основному сюжету и не могут изображать ведро, а перечёркнутое изображение фаллоса на иконке символизирует отречение от Рода в пользу Христа.

Пережитком культа предков и веры в Рода можно считать сохранившиеся до сих пор в православной обрядности родительские субботы, в которые принято навещать могилы христиан, а на самом деле – всех родственников, с принесением на кладбище поминальной еды.

«Победа» молодых богов над старым богом Родом и уход его на второй план в XII–XIII вв. были вполне закономерны в период укрепления и распространения государственности, подрывающей основы родового общества на рассматриваемой территории. Функции Рода как бога плодородия и творца судеб переходят к Волосу (Велесу), богу Нижнего мира, куда попадают умершие. Обратим в связи с этим внимание на одно из названий плёсского камня – Велеший (иначе принадлежащий Велесу).

Славяне верили, что земля принимает умерших предков, а души их отдаёт новорождённым [44, с. 129; 50, с. 104; 51, с. 71]. Поэтому у фаллических камней-идолов могли проходить не только поминальные жертвоприношения, с помощью которых осуществлялась связь с миром умерших предков, но и обряды, целью которых было зачатие ребёнка. Это подтверждают этнографические данные. Рядом с Себежским идолом в экспозиции Себежского музея стоит ещё один камень фаллической формы, который был найден в начале XX в. в лесу близ деревни Каменец под Себежем. Этого идола местные жители называли Пестуном, т.е. нянькой, считалось, да и до сих пор считается, что он способствует деторождению. С просьбой о зачатии ребёнка приходят до сих пор к плёсскому фаллическому камню.

Рис. 8. Иконка «Поклонение Гробу Господню». Начало XV в. Городище Плѣс. Камень

В этнографии широко известны представления о том, что определённые камни способны оплодотворить бесплодных женщин. Более того, отзвуки поклонений и пережитки обрядов «оплодотворения» через контакт с камнем сохранялись в европейских народных верованиях до середины XX в. [52, с. 256] Эта же обрядность прослежена по отношению к фаллическим камням Кабардино-Балкарии (четыре фаллических камня горы Тузлук в Приэльбрусье), Дагестана. В Армении широко известны так называемые пупочные камни, имеющие очевидную фаллическую форму и получившие своё название от традиции, предписывающей бесплодным женщинам прикасаться к ним пупками, для того чтобы забеременеть. Эти традиции продиктованы языческими представлениями о нахождении душ умерших в Нижнем мире, в земле, в камнях. Не чужды этих представлений были и славяне.

Ещё один непростой вопрос – датировка фаллических культовых камней-идолов. Комплекс славянских памятников у д. Жабино Псковской области, рядом с которыми обнаружен один из самых ранних идолов, датирован Я.В. Станкевич 2-й пол. I тыс. н.э. [43, с. 121]. Идол-«коновязь» из Новгорода, по непроверенным данным В. Ларионова, был найден в слоях XI века. Более или менее точно датируется идол из Ольгинского VI раскопа (г. Псков), обнаруженный в 2008 году. Он был захоронен до XII–XIII вв. Привязка фаллических культовых камней-идолов Ярославской и Ивановской областей к древнерусским курганным могильникам позволяет датировать их XII–XIII вв. То есть неантропоморфные фаллические камни-идолы Верхнего Поволжья, – очевидно, более поздние, чем новгородско-псковские, что, возможно, объясняется достаточно поздней заселённостью славянами этой некогда мерянской территории. Создаётся впечатление, что традицию поклонения фаллическим камням сюда принесли переселенцы-славяне, вероятно новгородцы, бежавшие от христианизации в эти глухие места, заселённые язычниками-мерянами. Иоакимовская летопись сообщает о крещении Новгорода: «Добрыня... идолы сокрушил, деревянные сжег, а каменные, изломав, в реку бросил; и была нечестивым печаль велика» [53, с. 60]. Новгородская первая летопись младшего извода относит это событие к 989 году и называет первым новгородским архиепископом Акима (Иоакима) Корсунянина [54, с. 159, 160]. Крещение, как сообщает Иоакимовская летопись, шло «мечем и огнем», что могло привести к исходу язычников в земли дружественных язычников-мерян.

При рассмотрении хронологии фаллических культовых камней-идолов становится очевидна одна закономерность: их форма меняется с течением времени. На смену неантропоморфным изваяниям приходят антропоморфные, а затем опять возвращается неантропоморфная форма. Таким образом, прослеживается регресс формы фаллических идолов на последнем этапе их существования в обрядовой культуре.

Сохранению фаллических камней и традиции поклонения им после того как мерянские земли вошли в состав Владимиро-Суздальского княжества способствовало двоеверие, прослеживаемое в роду Владимира Мономаха. Под двоеверием некоторые исследователи понимают одновременную веру в Христа и в языческих богов. Автор скорее склонна понимать под двоеверием политику веротерпимого отношения к язычеству и язычникам, «мягкой христианизации» (в отличие от «жесткой христианизации» в новгородских землях), конечной целью которой являлось распространение христианства. При этом князь и княгиня, воспитанные в старых традициях, в быту могли даже руководить языческими обрядами. В.Л. Комарович вслед за С.М. Соловьёвым [55, с. 78, прим. 5] указал на то, что Юрий Долгорукий, несмотря на многочисленные построенные по его велению храмы, не был канонизирован, и привёл, опираясь на летописи, свидетельства двоеверия князей [50, с. 84–104]. Интересен и тот факт, что первоначально священнослужители отказались допустить тело убитого Андрея Боголюбского в храм [55, с. 514]. Этот нелогичный поступок может быть объяснён двоеверием князя, что не могло при его жизни не возмущать церковных иерархов. Не был канонизирован и владимиристо-суздальский князь-храмоздатель Всеволод Большое Гнездо (1154–1212). Летописи прославляют его величие и достижения. «Мазуринский летописец» сообщает: «И таково благодать самодержец Всеволод получи, бысть имя его славно по всей земли, и на татарех дань имал и владел всюю землею Рускою и до моря Волгою» [56, с. 65]. Вероятно, двоеверие князя вместе с мягкой политикой назначенного по его требованию, вопреки мнению Киевского митрополита, епископа Луки [55, с. 727] позволило ему ввести языческие земли мерян в состав Владимиро-Суздальского княжества.

В заключение хочется отметить, что в последнее время остро встал вопрос о сохранении фаллических камней-идолов. Их необычная форма и неоднозначное отношение к ним исследователей, к сожалению, провоцируют людей на не вполне адекватное к ним отношение. Например, в июне 2011 г. плёсский фаллический камень с разрешения городской администрации был перемещён к зданию ювелирных мастерских «Алмаз-холдинга», где был установлен в качестве рекламы ювелирного магазина. По этому факту было заведено судебное дело. Истица – хозяйка дома, рядом с которым до этого находился камень, – претендовала на него как на своё имущество. В дело пришлось вступить в качестве третьего лица автору статьи. В результате истица забрала своё заявление, а камень был помещён на постоянное хранение в Плёсский музей-заповедник. Но после размещения фаллического камня в исторической экспозиции вновь было подано исковое заявление уже против Департамента культуры и культурного наследия Ивановской области и Плёсского музея-заповедника с требованием признать истицу владелицей камня. Суд принял решение в пользу музея-заповедника, но этим дело не ограничилось, так как истица подала апелляционную жалобу на решение суда, которое, к счастью, не было изменено судом новой инстанции.

Фаллические камни из Могильниц-Дубровок перенесены на территорию Мышкинского народного музея.

Таким образом, в ряде случаев музеефикация является единственным средством спасения и сохранения этих культовых объектов. Фаллические культовые камни нуждаются в фиксации с помощью археологических методов и постановке на охрану в качестве самостоятельных объектов археологического наследия, если они находятся на поверхности и вне территории других археологических памятников. В случае угрозы сохранности культовых камней-идолов необходимо принимать меры к её обеспечению вплоть до изъятия их из среды и передачи на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Порфиридов Н.Г. Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея // Материалы и исследования Новгородского музея. Вып. 1. Новгород, 1930.
2. Колесников П.А. Северная Русь. Вологда, 1971.
3. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997.
4. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
5. Гуревич Ф.Д. Каменные идолы Себежского музея // КСИИМК. Вып. 54. 1954.
6. Лопатин Н.В., Яковлев А.В. Комплекс каменных надгробий из Смоленского Подвинья и проблема идентификации славянских языческих изваяний // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. Ярославль, 2006.
7. Салмин С.А., Салмина Е.В., Прибурова Т.Ф. Находка каменного изваяния на Завеличье в Пскове (предварительная публикация) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 55 заседания, посвященного юбилею профессора И.К. Лабутиной (13–15 апреля 2009 г.). Псков, 2010.
8. Ларионов В. Сокровенный путь в Беловодье. М., 2005.
9. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
10. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. 1888.
11. ЦГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Ед. 53.
12. Чернецова С.Б. К вопросу о типологической классификации культовых камней Верхней Волги (Ивановское, Костромское и Ярославское Поволжье) // Альманах современной науки и образования. Вып. 7. Ч. 1. Тамбов, 2007.
13. Чернецова С.Б. Некоторые аспекты изучения культа камня на территории Ярославского, Ивановского и Костромского Поволжья // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. Материалы конференции. Ярославль, 2008.
14. Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново, 2007.
15. Чернецова С.Б., Карсаков О.Б. Комплекс сакральных камней из д. Могильницы (д. Дубровка) и фаллический камень погоста Рудина Слободка (Мышкинский МО) // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. Материалы конференции. Ярославль, 2012.
16. Панченко Г.В., Чернецова С.Б. Фаллический культовый камень из Плеса и его ближайшие аналоги в Верхнем Поволжье // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. Материалы конференции. Ярославль, 2012.

17. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. I. Харьков, 1916.
18. Гречухин В.А. Последняя старица. Мышкин, 2008.
19. Карсаков О.Б. Культурные камни в окрестностях Мышкина // Опочининские чтения. Вып. 1. Мышкин, 1991.
20. Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Balcanica. М., 1979.
21. Белова О.В. Эротическая символика грибов в народных представлениях славян // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.
22. Крайнов Д.А. Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 169. 1982.
23. Крупник И.И. Эскимосы // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976.
24. Киле Н.Б. Лексика, связанная с религиозными представлениями нанайцев // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976.
25. Антропова В.В. Представления коряков о рождении, болезни и смерти // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976.
26. Грачева Г.Н. Энцы // Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М., 1980.
27. Крайнов Д.А. Отчет о работе ВВАЭ ИА АН СССР в Ивановской области за 1977 год // Архив ИГОИРМ. Д. 07-3/77.
28. Крайнов Д.А. Отчет о результатах работ ВВАЭ ИА АН СССР за 1963 год // Архив ИГОИРМ. Д. 07-3/43.
29. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
30. Крайнов Д.А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
31. Замятин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. Вып. X. 1948.
32. Урбан Ю.Н. Поселение и могильник Иловец // КСИА. Вып. 137. 1973.
33. Крайнов Д.А. Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
34. Крайнов Д.А. Отчет ВВАЭ об археологических работах в Ивановской области в 1984 году // Архив ИГОИРМ. Д. 07-3/96.
35. Крайнов Д.А. Отчет ВВАЭ об археологических работах в Ивановской области в 1985 году // Архив ИГОИРМ. Д. 07-3/96.
36. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986.
37. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972.
38. Велецкая Н.Н. Символы славянского язычества. М., 2009.
39. Алексеенко Е.А. Культ медведя у кетов // СЭ. 1960. № 4.
40. Ванкина Л.В. Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР) // Древние поселения и городища. Таллин, 1955.
41. Крайнов Д.А. Отчет о работе ВВАЭ ИА АН СССР в Ивановской области за 1964 год // Архив ИГОИРМ. Д. 07-3/45.
42. Изюмова С.А. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси // КСИИМК. Вып. XXX. 1949.
43. Станкевич Я.В. К истории населения Верхнего Подвьяжья в I и начале II тысячелетия н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н.э. М.; Л., 1960. (МИА. № 76)
44. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 2007.
45. Концевий В.Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильменья // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
46. Концевий В.Я., Носов Е.Н. Загадки Новгородской округи. Л., 1985.
47. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. М., 1913.
48. Abramowicz, Andrzej. Przedmioty ozdobne z grodziska Leczyckiego // Studia Wczesnosredniowieczne. Studia, materialy, sprawozdania. Т. III. Warszawa; Wrocław, 1955.
49. Травкин П.Н. Плесская каменная иконка-оберег // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.
50. Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. Вып. 16. М.; Л., 1960.
51. Шишло Б.П. Культ предков и заместители умерших // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. Л., 1972. № 8.
52. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
53. Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М., 2005.
54. Новгородская первая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. М., 1950.
55. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. СПб., без даты.
56. Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31. М., 1968.

***Плещский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник,
Плещ, Ивановская область***

G.V. Panchenko

PHALLIC CULTIC STONES-IDOLS OF THE FOREST ZONE OF THE EUROPEAN PART OF RUSSIA: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND PRESERVATION

Summary

The article deals with the problems of studying and preservation of the phallic cultic stones-idols of the forest zone of the European part of Russia. The author acquaints the readers with new finds and specifies typology of the phallic idols. Moreover, she gives their interpretation, touching upon the history of development of a phallic cult on the considered territory. The author considers an issue of ethnicity and time of existence of the phallic cultic stones-idols basing the interpretation upon ethnographic data.

***Plyos State Museum-Reservation of History, Architecture and Art,
1, Sobornaya Gora St., Plyos, Ivanovo region, 155555, Russia
E-mail: panchenko.61@mail.ru***